

Асадов Захир Вахид оглу

К ВОПРОСУ ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ "СВОИМИ" И "ЧУЖИМИ" (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ)

В статье впервые на материалах древнерусских летописей рассматривается проблема амбивалентности в отношениях между "своими" и "чужими". Выявляются основные причины проявления амбивалентности, и с этих позиций вскрываются некоторые особенности отношений "своих" к "чужим", особенности нейтрализации контрастности в указанной бинарной оппозиции. Амбивалентность рассматривается автором как существенный принцип определения внутреннего мира человека Древней Руси, замешанный в гамме противоположных чувств и переживаний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 1. С. 59-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Такая трактовка событий позволяет считать их изоморфными образами ситуаций, которые они репрезентируют. А их модели выводятся в процессе сегментирования непрерывающейся деятельности человека на определенные дискретные этапы. В то же время с момента фокусирования внимания на определенном компоненте ситуации и выделения фигуры происходит активация когнитивно-семантического потенциала именной группы, объективирующей эту фигуру, и ее соответствующих сочетаемостных свойств. Далее, в соответствии с селекцией совместимых с ситуацией проекций на уровни языка, делается выбор предиката и генерируется вся структура предложения со всеми необходимыми для воплощения ситуации компонентами. Таким образом, при лингвистической актуализации события релевантным и даже решающим фактором следует считать наличие самых важных для сочетаемости и создания композиции квантов значения в когнитивно-семантической структуре именной группы, которая становится реальным доминирующим центром объективации ситуационного фрейма.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бродская М. С. Когнитивно-семантические аспекты полисемии в условиях экспрессивности английского глагола: дисс. ... к. филол. н. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 199 с.
3. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 352 p.
4. Davidson D. The Logical Form of Action Sentences // Essays on actions and events. N.Y.: Clarendon Press, 1967. P. 105-121.
5. Dijk T. A., Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. N.Y.: Academic Press, 1983. 413 p.
6. Embodied Cognition [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/embodied-cognition/> (дата обращения: 27.10.2016).
7. Facts [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/facts/> (дата обращения: 27.10.2016).
8. Langacker R. Foundations of cognitive grammar: in 2 vol. Stanford, California: Stanford University Press, 1999. Vol. 1. 505 p.
9. Levin B. Objecthood: An Event Structure Perspective // Proceedings of CLS 35 / Chicago Linguistic Society. Chicago, Illinois, 1999. Volume 1: The Main Session. P. 223-247.
10. Pustejovsky J. The Syntax of Event Structure // Cognition. Amsterdam: Elsevier, 1991. Vol. 41. P. 47-81.

ON THE COGNITIVE-SEMANTIC STRUCTURE OF AN EVENT

Aksel'rud Dina Aronovna, Ph. D. in Philology
Pyatigorsk State University
deaxel@mail.ru

The article discusses some problems of structuring events that embody the mental representations of real world situations. It defines the basic components of the event; their selective capabilities when generating sentences are investigated. The main reasons for the emergence of seriation of the English verb are revealed while carrying out the analysis of the structure of the events from the cognitive positions. The work focuses on the role of valence while developing polysemy of the verbs and appearing expressive meaning.

Key words and phrases: event; situational model; event structure; models of events; components of an event; sub-event; seriation; classification frame; situational frame.

УДК 81-112:394.94

В статье впервые на материалах древнерусских летописей рассматривается проблема амбивалентности в отношениях между «своими» и «чужими». Выявляются основные причины проявления амбивалентности, и с этих позиций вскрываются некоторые особенности отношений «своих» к «чужим», особенности нейтрализации контрастности в указанной бинарной оппозиции. Амбивалентность рассматривается автором как существенный принцип определения внутреннего мира человека Древней Руси, замешанный в гамме противоположных чувств и переживаний.

Ключевые слова и фразы: амбивалентность; бинарная оппозиция; древние летописи; нейтрализация контрастностей; образ «чужого»; древние тюрки.

Асадов Захир Вахид оглу, к. филол. н., доцент
Бакинский славянский университет, Азербайджан
zahir1975@rambler.ru

**К ВОПРОСУ ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ «СВОИМИ» И «ЧУЖИМИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ)**

Общественно-культурные и социальные основания репрезентации амбивалентности в письменной культуре Древней Руси могут быть определены на основе выявления основных контуров характеристики образа «чужого», а также основных причин нейтрализации контрастности в контексте бинарной оппозиции «свой – чужой». Феномен амбивалентности обуславливает социально-общественную жизнь человека: в повседневной

жизни амбивалентность предстает как некоторая преграда для полноценного создания картины мира, для подлинной обрисовки образа «чужого». Человек стремится всегда преодолеть амбивалентность в отношениях к «чужим». Именно на фоне амбивалентности бинарное отношение к миру предстает перед нами как сложная гамма чувств и эмоций. Человек, оказавшись в тенете контрастностей, вбирает в себя эти крайности и тем самым создает свой собственный внутренний мир, свое собственное отношение к «чужим».

Как известно, слово «амбивалентность» происходит от латинского языка и в буквальном смысле означает «обе силы (одновременно)». Амбивалентность – это такое чувство, когда какое-либо событие, действие субъекта или какой-нибудь объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства (обычно одно отрицательное, другое – положительное). Потому, как нам представляется, бинарные отношения в этом смысле представляют особый тип восприятия окружающего мира, имеющий в своей основе контраст чувств, иначе – амбивалентность отношений. Другими словами, под амбивалентностью мы склонны понимать противоречивость отношений «своих» к «чужим» (и наоборот) с позиций бинарных отношений. Следовательно, амбивалентность в данном случае способна вскрывать некоторые особенности отношений «своих» к «чужим», особенности самой контрастности, а также, как результат, проявления амбивалентности как мотива постепенной нейтрализации этой контрастности. Именно с указанных позиций предпринята попытка исследовать амбивалентность отношений между «своими» и «чужими» на материале древнерусских памятников письменности.

Первичная характеристика образа «тюрка» в древнерусских летописях предстает в рамках «кинематографически» воображаемого фрейма «чужой-инокультурный», который и задает летописец преднамеренно. Ср.: «**Іако ж се и ннѣ при насъ Половци законъ дѣржать ѿць своихъ. кровь проливати. а хвалащеса ѿ семъ. и гадуше мѣртвечинѣ. и всю нечѣстотѣ. хомакы и сѣсолы. и поимають мачехы своя. и ятрови. и ны выычата ѿць своихъ...**» [4, с. 11-12]. Пространство воображаемого «чужого» включало в себя различные тенденции, среди которых в основном наличествует конфессиональная характеристика: не имея достоверной информации о новых народах, именуемых тюрками (имеется в виду обобщенное название всех тюркских племен, о которых говорится в летописях), летописец порой сам попадал в уныние: «**Того же лѣтѣ. [1223] Іавнишаѣ газъци. ихже никтоже не вѣсть кто сѣтъ и ѿколѣ изидоша. и что газъикъ ихъ. и которого племени сѣтъ. и что вѣра ихъ. и зовутъ я Татары. а нини глѣють Таѣменъ. а друзни Печенѣзи**» [3, с. 308] (см. также: [1, с. 61, 263]). И потому, создавая образ «чужого», летописец ссылался на слухи и народные сказания или на учения «отцов церкви» («**Іако се сѣтъ ѿ нихже Мефодии Патомьскыи епѣспъ свѣдѣтельствѣетѣ**» [4, с. 11]), тем самым акцентируя свое внимание на том, чтобы внимательный читатель беспрекословно верил в летописную информацию. «Чужой» в лице тюрка интерпретируется в подавляющем большинстве случаев не как просто враг, а наводящий ужас безбожник, который осмелился посягнуть на самое святое – на церковь и на образ божий (икону). Ср.: «**...посемъ въжгоша домъ стѣпа Владѣцѣ наша Бѣѣ. и придоша к цркви и зажгоша... емлюще иконы зажигаху двери. и оукараху Ба и законъ нашъ...**» [3, с. 163].

Древнерусские летописи фиксируют множество фактов военной конфронтации между русскими и различными племенами. Пожалуй, древнерусская история не знает столько военных столкновений, сколько Русь знала по отношению к тюркским племенам. Исследованный материал показывает, что в разные исторические периоды Русь имела военные столкновения почти со всеми тюркскими племенами («торками», хазарами, печенегами, берендеями, кыпчаками, «черными клоубуками», с монголо-татарами). Потому неудивительно, что тюрки предстают в древнерусских летописях как наиболее жестокий народ, не имеющий нравственных и религиозных ценностей, как народ, несущий только зло и гибель. Тюрки настолько жестоки, что они убивают не только детей и жен, отцов и матерей, но и служителей церкви, что, по мнению летописца, безнравственно: «**(1203) за грехи наша. чернѣци. и чернѣци. старыа иссекоша. и попы старые и слепыа и хромыа. и слоукыа. и трѣдоватыа. та вса иссекоша. и дщери их и сны их. то все ведоша иноплеменици в вежи к собѣ**» [Там же, с. 288-289]. Порой летописец настолько вникает в подробности, что описывает каждую деталь жестокости тюрков («**быв хрестиянин, именемъ Доман, татари ж(е) отрѣза ножемъ главѣ емѣ...**» [1, с. 94]), создавая тем самым образ ярого, неприемлемого «чужого». Тюрк предстает как палач, посланный Богом за грехи русских.

Убийство русских князей в стане тюркских ханов летописец описывает как конфессиональную картину – убитый князь в глазах читателей должен предстать как мученик за православную веру: «**В лето 6778 ѹбнен высть князь Роман Олгович рязанский от паганых татар... Сей высть новый мученик за Христа**» [5, с. 98]. Возможно, таким образом летописец пытается показать непримиримость и нетерпимость к тюркским народам. Здесь, по нашему мнению, вскрывается религиозная тенденция описания образа «чужого», если принять во внимание тот факт, что летописи писались тогда в монастырях и всегда были под влиянием отцов церкви. Иначе говоря, в описаниях летописца можно наметить также философски насыщенный метафрейм – вселенскую борьбу «верных с неверными», основанный на вечном противопоставлении правды и кривды, космоса и хаоса.

Значимость раскрытия образа «чужого» в древнерусской картине мира на основе соответствующих репрезентаций характеристики «чужих» в древних летописях заключается в том, что «чужой» представлен также в амбивалентных характеристиках. Иначе говоря, в древнерусских летописях можно наблюдать двойственность отношений к «чужим», в частности к тюркским племенам. Продолжая вышеуказанную мысль, можно сказать, что пространство уже не воображаемого, а вполне реального и уже «знакомом чужого» по отношению к характеристике тюркоязычных племен обнаруживает яркую тенденцию к амбивалентности. Амбивалентность в противопоставлении «свой – чужой» по отношению к тюркским племенам настолько ярко выступает в древнерусских летописях, что создает сферу нейтрализации самой рассматриваемой бинарной оппозиции и выступает одним из основных факторов ко-линейного развития древнерусского общества.

Амбивалентность выступает как антипод первичной, социально-бытовой характеристики образа тюрка-врага, на основе которой строятся дальнейшие отношения к тюркоязычным племенам вплоть до XVIII в. Таким образом, считаем, что выявление амбивалентности в бинарной оппозиции «свой – чужой» также является одним из основных элементов характеристики «чужого» по отношению к тюркским племенам.

Именно этот момент представляется наиболее существенным, так как не всегда наличие специфических черт образа «чужого», в особенности в историческом освещении данной проблемы, правильно выявляется современными методологическими схемами интерпретации. Ведь, как мы уже выше отметили, судя по древнерусским летописям, тюркские племена – ярые враги не только славянского, но и христианского мира, жестокие, безжалостные и беспощадные грабители («**окоянные Маман развиша ц(ε)рквыи**» [1, с. 476], «**поганяя исмаилтяне кр(ε)сты ч(ε)стныя и иконы чюдныя одраша**» [3, с. 281] и др.). Следовательно, сведение понятия амбивалентности в поставленную нами проблематику, думается, позволяет по-новому осмыслить объединенный мир человека Древней Руси по отношению к «чужим», рассмотреть соотношение «свои – чужие» с позиций социально-политической, мультикультуральной (в значении – сосуществование культур) и патерналистской обусловленности.

Появление первых признаков амбивалентности в отношении к «чужим» (= тюркским племенам) связано с военно-политическими мотивами. Когда-то ярый враг Руси позднее выступает уже как надежный союзник древнерусских князей в борьбе за расширение границ русских земель (ср.: «**(6953) Тои ж(ε) зими кн(я)зь велики Василен насла татар два ц(а)р(ε)в(н)ча на литовские города**» [1, с. 180] и др.). Данный мотив союзничества можно как-то объяснить: ведь, помогая русским князьям в походах на «чужие» земли, тюркские племена могли и сами разбогатеть за счет захваченных богатств и имуществ. Можно понять и то, что, естественно, за определенное вознаграждение или же за определенную постоянную плату тюрки могли составлять специальный карательный отряд русского князя. Такой отряд, судя по памятникам письменности Древней Руси, имел еще князь Игорь (отряд печенегов), князь Георгий (отряд берендеев), князь Владимир (отряд печенегов и кыпчаков), князь Иван Грозный (отряд татар) и т.п. Ср.: «**[6452 (944)] Игорь повелъ Печенѣгомъ воевати Болгарьскую землю...**» [4, с. 35]. Однако другое дело, когда тюрки оказывали военную помощь Руси в борьбе с внешними врагами в пределах границы русского государства: «**(6750) Ярославъ, от(ε)ць Александров, иде во Орду к Батыю за воинъ с нѣмцы**» [5, с. 94]. Это была уже не «платная услуга», а определенная договоренность «своих» с «чужими», в основе которой лежало взаимопонимание и взаимопомощь. Насколько амбивалентной была ситуация, показывает то, что тюрки участвовали в междоусобной борьбе за территориальное влияние, при этом у одних русских князей воевали одни тюркские племена, у других – другие. Так, в борьбе между русскими князьями князю Владимиру помогали кыпчаки, в то время как Святославу – печенеги, Вячеславу – «**черные клоубуки**» и т.п. [4, с. 424, 452, 461]. Именно в этой тонкой грани отношений проявляются первые следы патерналистских отношений между «своими» и чужими». Амбивалентность отношений между «своими» и «чужими» в данном случае строится на основе принципа «враг моего врага – мой друг»: иначе говоря, хотя тюрки и оставались для «русина» врагом христианского мира, но за помощь в борьбе с внешним врагом или же в междоусобной борьбе со «своими» «чуждость» его образа начинает постепенно стираться.

Насколько русские князья могли «породниться» (кроме, конечно, небезызвестных факторов женитьбы русских князей на тюркских княжках) с тюркскими племенами, показывает нижеследующий пример из «Новгородской первой летописи младшего извода»: «**И послаша кыянгъ къ Святославу послы, глаголюще: “ты, княже, чюжен землѣ ищеш и блудниши, своя ся охавивъ; мало бо насъ не взяша Печенѣзи, мать твою и дѣтен твоюхъ”**» [5, с. 119]. Как видим из данного отрывка, летописец призывает князя Святослава вернуться в свой родной дом, прогнать печенегов и порвать все отношения с ними. Летописец еще раз напоминает Святославу, что печенеги («чужие») многих наших («своих») забрали в плен, убивали «**мать твою и дѣтен твоюхъ**». Ясно, что определенный запрет на отношения с «чужими» одновременно с союзнической политикой русских князей с «чужими» племенами, стремление оградить мир «своих» от инокультурных и «неверующих» «чужих», как результат причинно-следственных отношений, обуславливает само бытие древнего «русина», его амбивалентность чувств. Таким образом, можно сказать, что именно на фоне борьбы с внешним врагом, на фоне военно-политических отношений появляются первые признаки амбивалентности в соотношении «свои – чужие», а также постепенной нейтрализации указанной нами бинарной оппозиции.

Л. Г. Гороховская отмечает еще один признак проявления амбивалентности в отношениях между «своими» и «чужими»: «...ярче всего социальный фрейм чуждости в контексте амбивалентности и подвижной границей включения – исключения виден в фигуре гостя, который одновременно является чужим, чаще внешним чужим, поэтому он исключен из местного сообщества. Он приходит неизвестно откуда и уходит неизвестно куда. Чужой незнаком, неизвестен и поэтому опасен» [6]. Известно много письменных свидетельств частого посещения ханского стана русскими князьями со своими женами и детьми в качестве гостя. Иногда даже русские князья со всей княжеской свитой могли гостить у хана долгое время (см.: «**(6803) Андръи князь(ь) иде в Орду со княгинейю**» [5, с. 103]; а также: [1, с. 327; 4, с. 121]). Однако частое посещение ордынского стана русскими князьями дает возможность заметить, что эти «русские гости» вовсе не были незнакомы и опасны, а наоборот, можно предположить, что их визит носил политический характер – получив ярлык на княжение, князь одновременно получал гарантию безопасности своей семьи и княжества. Письменные источники показывают, что в рамках этого гостеприимства «чужие» (= тюрки), как ни странно, демонстрировали свои силы (традиционные военные состязания тюрков, имеющие нередко смертельный исход; обычай Батыя – прохождение через огонь и т.п.), что также могло заставить гостя «побояться».

Общепринято, что «с гостем не разделяют повседневности и не живут с ним длительное время», «гостеприимство остается эфемерным и не отливается в прочную жизненную форму» [2]. Однако исследованный нами материал в некоторой степени показывает противоречивость этих высказываний. Русские гости, как «чужие», могли не только погостить в стане хана, но и жить там длительное время, войти в их обыденную жизнь, жениться в стане хана и т.п. В этом отношении, как правильно замечает И. В. Пахолова, «в гостеприимстве как-то уживаются два мотива – мотив договора, учреждаемого и подкрепленного взаимными дарами, и мотив вражды и опасности, которую несет с собой гость» [Там же]. По отношению к первому мотиву можно, например, отметить предложение Батгя князю Александру, который долгое время жил в Орде и породнился с тюркским ханом Берка-хан, стать воеводой в ханской армии [1, с. 302]. Или же, например, вспомним те многочисленные случаи, когда тюркский ханский стан нередко служил русским князьям как прибежище от преследований «своих» («(6526) И понде Ярослав на Святополка, и вежа Святополк в Печенеги» [5, с. 61] и др.). Может, и потому неслучайно, что для древнерусского летописца гибель «чужих» также могла вызвать сочувствие, в частности тогда, когда это горе имеет общечеловеческий характер: «(6792 (1284)) Тое же зимы не токмо и во шдинон Роуси выѣ гнѣвъ Бѣи. моромъ. и в Лахохъ тое же зимы и в Татарехъ. изомре все кони и скоти. и швѣць. все изомре не штаса ничего же» [4, с. 296]. Как видим, летописец хотя и настороженно относится к «чужим», но о великой беде говорит без вражды и сочувствует, что во время всемирного мора и татар, и ляхов погибло много.

Проведенное нами исследование показало существенную роль амбивалентности для выявления противоположных чувств и эмоций человека Древней Руси. Амбивалентность, являющуюся специфическим и ярким проявлением бинарных отношений, можно рассмотреть как парадокс, мешающий человеку разобраться в себе, в своем внутреннем мире, в мире отношений между субъектом и внешним миром, в мире отношений к «чужим». Амбивалентность в отношениях «своих» к «чужим» порой становится преградой определения подлинного облика «чужого» по сложившимся в те времена в социуме социально-культурным и общественным нормам. Потому нередко человек искал в своем внутреннем мире способы и пути преодоления этой амбивалентности (ср. «свои чужие»), пытаясь определить свое место в соотношении «свой – чужой». По ходу исследования нами было выявлено, что выход из подобного положения не всегда одобрялся: «свои чужие», как представители неамбивалентной жизни, всё же не смогли стать полноправными членами древнерусского общества, на них всегда было клеймо «чуждости», о котором могли напоминать им на каждом шагу. Нам представляется, что амбивалентность можно считать своеобразным методом раскрытия внутреннего мира человека, его мировоззрения и отношения к «чужим», что позволяет взглянуть на его внутренний мир, на его «эго» во всем многообразии проявлений его эмоциональных чувств и переживаний. В исследованных нами письменных памятниках репрезентация амбивалентности выступает как один из способов проявления умеренной контрастности между «своими» и «чужими», как один из мотивов появления «своих чужих» и в целом является своеобразным выразителем внутренних противоречий «своих» по отношению к «чужим». Хотя в амбивалентной ситуации некоторые мотивы неприязни к «чужим» снимаются (ср. вышеуказанные примеры из летописей), но основной мотив контрастности между «своими» и «чужими» остается, образно говоря, как гость в чужом доме. Однако эти моменты не исключают друг друга, но и не снимают противоречивости отношений между «своими» и «чужими».

Список литературы

1. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М. – Л.: АН СССР, 1950. 642 с.
2. Пахолова И. В. Гостеприимство безответного дара как социокультурный опыт «чужого» [Электронный ресурс]. URL: [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2011/IJCR_01\(2\)_2011_Pakholova.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2011/IJCR_01(2)_2011_Pakholova.pdf) (дата обращения: 14.10.2015).
3. Полное собрание русских летописей: в 43-х т. Изд-е 2-е. М., 1962. Т. 1. Вып. 1-3. Повесть временных лет. Лаврентьевская летопись. Суздальская летопись. 646 с.
4. Полное собрание русских летописей: в 43-х т. СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. 638 с.
5. Полное собрание русских летописей: в 43-х т. М.: Наука, 1978. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. 304 с.
6. Gorokhovskaya L. «The saga of alien»: The analysis of the frame of otherness in modern culture [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/42114/ssoar-kirov-2013-gorokhovskaya-The_saga_of_alien_The.pdf?sequence=1 (дата обращения: 18.09.2015).

ON THE AMBIVALENCE OF RELATIONS BETWEEN “THE NATIVES” AND “OUTSIDERS” (BY THE MATERIAL OF THE OLD RUSSIAN WRITTEN MONUMENTS)

Asadov Zakhir Vakhid oglu, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Baku Slavic University, Azerbaijan
zahir1975@rambler.ru

The article for the first time by the material of the Old Russian chronicles examines the problem of ambivalence in the relations between “the natives” and “the outsiders”. The author identifies the basic motives to manifest ambivalence and from this viewpoint discovers the certain peculiarities of “natives” attitude to the “outsiders”, the specificity of contrast neutralization in the mentioned binary opposition. Ambivalence is considered as an essential feature of the Old Russian’s inner world formed by the scale of contrasting feelings and emotions.

Key words and phrases: ambivalence; binary opposition; ancient chronicles; contrast neutralization; “outsider’s” image; ancient Turkic peoples.